

Один из первых опытов частной антрепризы

АГЕНТСТВО «БОГИС» ПРЕДСТАВЛЯЕТ

«N»

(«Нижинский»)

*«Я хочу танцевать, рисовать, играть
на рояле, писать стихи, любить всех...
Я не хочу войны... Я ищю везде дам.
Я живу везде. Я не хочу иметь собственности.
Я не хочу быть богатым. Я хочу любить.
Я люблю, а не зверство. Я не кровожадно
животное. Я есть человек. Я есть человек».*

Вацлав Нижинский

«Я не стремлюсь к славе, чтобы меня считали великим писателем, или великим артистом, или же великим человеком. Я простой человек, который много страдал — больше, я думаю, чем даже Христос... Торе мое так велико, что я не могу обличить его даже слезами. Совсем не расщедок мой балет, балета душа — врачи не поняли это... Я знаю, что слишком балет, и не могу выздороветь быстро. Я неизлечим, бедный человек с душой, разбитой наркотиком, ищущий, несчастный. Неужели же найдется кто-то, кого не взвалюют эти строки?... Я все еще сильный, у меня здоровое тело, балета только душа. Я — страдаю, страдаю. Когда-нибудь узнают об этом, пожалуют меня. Я не зверь, тем более не Бог, всего лишь человек, с множественной несостоятельностью, но я люблю человека и, стремясь быть Богом, пытаюсь исправиться. Я хотел бы...»

Вацлав Нижинский

Диалог на расстоянии

Мир заново вернулся к имени Нижинского четыре года назад, когда праздновал столетие со дня его рождения. В разных странах, в первую очередь — Франции и России, были проведены танцевальные фестивали в честь великого танцовщика, организованы выставки. В Париже в Сорбонне прошла научная конференция. Организовал ее «Комитет Нижинского» во главе с автором первой серьезной книги о Нижинском во Франции — мадам Франсуаз Стансин-Рейсс. Все эти годы вокруг Стансин-Рейсс группируются поклонники Нижинского из самых разных стран мира, люди разных профессий; они духовно служат своему давно покинутому земле богу. Художник из Америки всю жизнь собирал иконографию по Нижинскому — его доклад и показ слайдов стали открытием не только для любителей балета, но и для профессионалов-историков хореографии. Юный хореограф занимается восстановлением утраченной хореографии танцовщица...

любови, если хотите. У нас выходит драматический спектакль, посвященный Нижинскому, пытающийся заглянуть за грань человеческого безумия, проникнуть в интимные и общие для целена-творца, художника «судьбы сплетеня». В Париже публикуются материалы той, четырехлетней давности конференции, и выход этого прекрасно изданного однотомника празднуется в Нью-Йорке, куда приглашаются все авторы.

Прошло четыре года. И вдруг — снова сплетения судеб, пристрастий,

Тогда, после долгих разговоров о «Вашлаве», мадам Стансин-Рейсс дала мне написанную только что статью. В ней она пыталась объяснить безумие великого танцовщика с точки зрения современной медицинской науки. Этот своеобразный «поворот темы», быть может, кому-то покажется странным, кому-то просто заумным... При всем при том — написанное в чем-то как бы комментирует наш московский спектакль «N»* и в немалом — игру Олега Меньшикова. Статья у Рейсс большая. Это — выдержки из нее, ее квинтэссенция.

Наталья Чернова

* Пьеса Алексея Бурькина, художник Павел Каплевич. Художественный руководитель агентства «Богис» — Галина Боголюбова.

Вслед улетающему герою...

Виктор Славкин

«Вот это игра! Да, сюжет, да, тема, да, задача, да, сверхзадача, но игра! И красота. Без этого сегодняшний театр уже не театр. Красота общего и красота детали... И финал...»

В финале происходит невероятное. Ничего подобного я не видел. Такое запоминается на всю жизнь. И то, что произошло, и чувство — душевное, художественное и физиологическое одновременно.

«Я сидел в первом ряду. Я видел, как мимо меня с просветленным лицом, с руками, вытянутыми вперед, пронесся по воздуху человек. Ангел пролетел... И, точно попав в открытое на улицу окно, расположенное на втором этаже, исчез. Такой трюк и в цирке вызвал бы восхищение, а в театре...»

«Если спектакль имеет такой сильный, рискованный, такой настоящий и тот человек, который и то, что до этого, тоже правда. Поверил я. Поверил и тот человек, который и то, что до этого, тоже правда. Видя улетание героя, мы поверили.

И как-то по-детски захотелось в какой-то момент, когда иссякли все твои аргументы, когда тебя уже никто не слушает, смочь вот так же, таким же способом доказать свою правоту. Или просто разбежаться и улететь от всего этого, от всего...»

Человек это не может. Может театр».

(Улетание героя//Огонек. 1993. № 21 — 22)

Вадим Михалев:

«Разработка темы больной души, стремящейся к миру, в толстовском понимании этого слова, как слиянию со Вселенной, дало Меньшикову больше в понимании Нижинского, чем сотни замусоленных исторических справок.

Между Меньшиковым и Нижинским есть одно несомненное совпадение — оба над землей. Я поднимаю глаза и вижу на высоте Олега Меньшикова. Лицо бледное, вдохновенное, глаза с лихорадочным блеском так темны, что кажутся бездной, путями в зазеркалье. Движенья нервные и естественны. Нижинский только что поражал публику широким шагом, высоким прыжком, стремительным вращением и линией, изящество которой описано сотнями балетоведов. Теперь отдыхает, больной, пылливый, подозрительный, острый и так нуждающийся в Дягилеве — спасителе и родной душе.

Спаситель, сам алчущий спасения. Дягилев и не Дягилев, короче говоря, «альтер эго» героя — Александр Феклистов.

«Феклистов — мастерство. Его заземленная фигура, этакая хваткая манера исполнения, склонность к точным деталям, умение воспользоваться удобными приспособлениями как бы противоположны стремительности и эфемерности Меньшикова. Но Феклистов только поначалу кажется большим «материалистом». На самом деле его «здание» также артистично и хрупко, мир его существования зыбок».

(«Долгий отдых фанна»// Культура. 1993. 20 марта)

Марина Тимашева:

«Ажитация вокруг спектакля невероятная. Кажется, публика ждала от него чего-то очень эстетского, очень декадентского или викторианского. Сколько было возможностей: Нижинский — и дуальная атмосфера ночных ресторанов. Нижинский и цыгане. Нижинский и бордели. Нижинский и Дягилев — не столько гениальный танцор и великий организатор дягилевских сезонов, сколько любовники. Дягилев и жена Вацлава — их ревность, их вина, заложником которой оказался Нижинский.

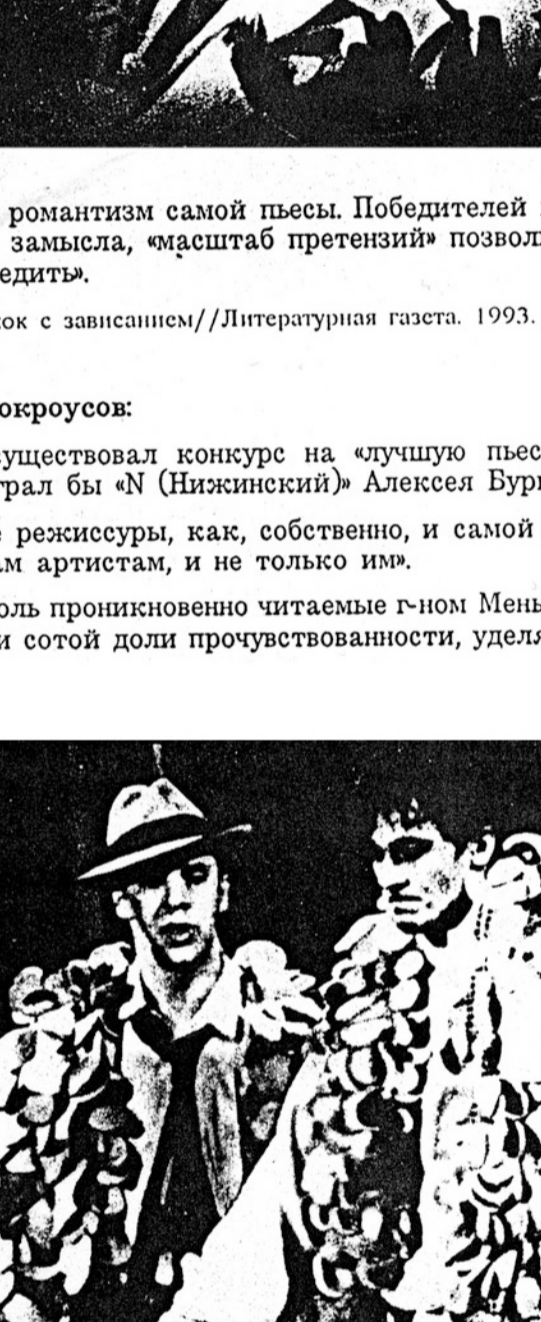
Но одна из этих шикарных подробностей не пленила авторов спектакля. «Низкая жизнь вынесена театром за скобки. Безумие Нижинского выводит его из прозаического мира в мир высокой поэзии. Здесь остановлен он мгновениями спектакля, как остановилась, «зависла» в воздухе, исполняя свой легендарный «баллон» Бог и Царь танца Вацлав Нижинский».

(Бог танца//Экран и сцена. 1993. 18 — 25 марта)

Николай Климентович:

«Задача невероятно сложна: создать напряжение, используя лишь весьма общо заданные исходные условия — психофизиологическую разность, на грани несовместимых персоналий. В течение двух часов нужно играть землю, пусть и танцующую к небу, и небо, полное воздуха и облаков. Иначе говоря, представить на сцене драматическими средствами знаменитый прыжок Нижинского, «зависнув» на пару этаже, в воздухе. Не нужно быть чрезмерно пронацательным, чтобы угадать: не будь это артисты класса Меньшикова и Феклистова — из этой затеи мало что получилось бы».

«Не будем задаваться вопросом, насколько эта театральная фантазия схожа с реальной драмой когда-то живших людей. Не будем пенять на чужь

ДРАМАТУРГ • № 2 • 1993
161

инфантильный романтизм самой пьесы. Победителей не судят. Ведь именно дерзновенность замысла, «масштаб претензий» позволили создателям этого спектакля победить».

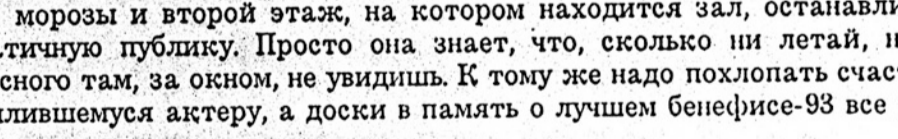
(Прыжок с завесанием//Литературная газета. 1993. 10 марта)

Алексей Мокроусов:

«Если бы существовал конкурс на «лучшую пьесу ни о чем», его, без сомнения, выиграл бы «N (Нижинский)» Алексея Бурькина.

«Отсутствие режиссуры, и, собственно, и самой пьесы, явно пошло на пользу господам артистам, и не только им».

«...Стихи, столь проникновенно читаемые г-ном Меньшиковым, зачастую не заслуживают и сотой доли прочувствованности, уделяемой им обаятельным

артистом. Стихи эти нехороши и потому необязательны. Впрочем, многое обязательно в и без того быстро заканчивающемся спектакле. Не оттого ли публика взирает на искренние слезы г-на Меньшикова, выступающие по ходу пьесы, с удивлением и симпатией — и не более того? И все же редкий зритель зачарован действием настолько, чтобы в финале последовать вслед за героем г-на Меньшикова. Разбежался, тот прыгает в открытое на улицу окно. Но только морозы и второй этаж, на котором находится зал, останавливают прагматичную публику. Просто она знает, что, сколько ни летай, ничего интересного там, за окном, не увидишь. К тому же надо похлопать успешно приземлившемуся актеру, а доски на лучшем бенефисе-93 все равно еще нет.

Но место для нее уже очерчено».

(Хорошим артистам ничто не в силах помешать//Независимая газета. 1993. 3 марта)

Джон Фридман:

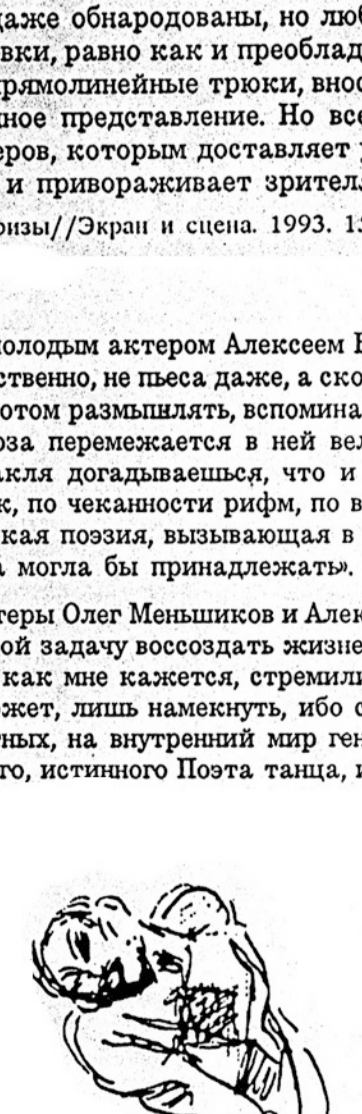
«Восхищенный богатством чувством чуда и юмора, «Нижинский» не оплакивает редкая ныне пьеса современника, да еще написанная специально на Олега Меньшикова и Александра Феклистова. Ее автору не откажешь в... не талантливости или одаренности, скажем скромнее, — способности изложить «Нижинским» более в стихотворных немногих строках, нежели в архитектурно-нике драме». Это скорее лирические излияния на тему, что ставит в тяжелое положение по крайней мере одного из участников — А. Феклистова приходится соотносить себя то с Дягилевым, то с другими, чтобы в конце заявить о себе как альтер эго заглавного героя. Столь же парадоксально отсутствие в длинном перечне создателей имени режиссера, хотя постановщики известны почти любому и даже обнародованы, но любопытные следы их деятельности в ткани постановки, равно как и преобладающее влияние неназванного четвертого — резкие прямолинейные трюки, вносящие диссонанс в и без того не слишком гармоничное представление. Но все искупает существование двух прекрасных актеров, которым доставляет удовольствие взаимная игра, что в конечном итоге и привораживает зрителя».

(Антре антрепризы//Экран и сцена. 1993. 15 — 22 июля)

Юрий Фридрихейн:

«Пьеса, написанная молодым актером Алексеем Бурькиным, — его драматургический дебют. Собственно, не пьеса даже, а скорее набросок, абрис чего-то, о чем долго будешь потом размышлять, вспоминать, фантазировать. И еще одна ее примета — проза перемежается в ней великолепными стихами, и только к концу спектакля догадываешься, что и их автор — все тот же Алексей Бурькин, а так, по чеканности рифм, по высоте философских раздумий — воистину высокая поэзия, вызывающая в памяти знаменитые имена поэтов, которым она могла бы принадлежать».

«И автор пьесы, и актеры Олег Меньшиков и Александр Феклистов меньше всего ставили перед собой задачу воссоздать жизненный или же творческий путь Нижинского. Они, как мне кажется, стремились совсем к иному — показать, точнее, быть может, лишь намекнуть, ибо сия есть тайна, недоступная для простых смертных, на внутренний мир гения, Артиста — «настицы Бога», мудрого и наивного, истинного Поэта танца, иррационального и неэпо-тизмского».

В. Нижинский в «Карнавале». Рисунок А. Бурделя